«ВОЙНА РАЗДЕЛИЛА НАШИ ЖИЗНИ...»

День Победы – великое историческое событие, которому предшествовали долгие мучительные пути человеческих судеб... Пути самоотверженного труда и ратного подвига, бессонных ночей и кровавых слёз, крушения юных надежд и несвершившаяся любовь...

Улита Александровна Рудько (в девичестве Ворошилова) родилась в селе Большерецкое (ныне Усть-Большерецк) в 1923 году. Отец выстроил большой уютный дом, где и разместилось недолговременное благополучие дружной семьи из 7 человек. Восьмилетней Люсе (так звали Улиту в семье) пришлось преждевременно повзрослеть ещё до начала войны. Та пасмурная ночь запеклась болью и негодованием на сердце будущего участника Великой Отечественной войны.

Люди в зеленых фуражках

– Это произошло в 1934 году. На улице шёл снег, лаяли собаки. К нам в двери постучались люди в зелёных фуражках – это мне запомнилось особенно ярко – и нагло ввалились в дом в 3 часа ночи. НКВДшники объявили, что прибыли для совершения обыска. Эти суровые, как будто бездушные существа в зелёном перегородили все коридоры и выходы.

Как сейчас помню: мы, ничего не понимающие в происходящем дети, прижимались друг к другу в небольшой спальне. Отец неподвижно сидел, уткнувшись лицом в вытянутые на столе руки. По бледным щекам мамы катились безмолвные градины слёз...

Потом я узнала, что на отца донесли. Его арестовали и увезли в неизвестном направлении. С тех пор мы его не видели. **Лишь через 25 лет тишины узнали, что отец был расстрелян, а после – реабилитирован за отсутствием состава преступления.**

Нам же с мамой приказали немедленно покинуть дом. На дворе стоял морозный февраль. Мы не знали, куда идти...

Вскоре над нашим опустевшим домом развевался кусок рогожи, призванный «клеймить» в нас «врагов народа». Некоторые родственники отказались, а точнее испугались приютить «предателей». Но мир не без добрых людей. Мы поселились в доме маминого брата, который один воспитывал шестерых детей. Только через несколько дней дядю постигла участь моего отца – его тоже арестовали. Нас пригласила к себе тётя, которая растила четверых ребят. Так мы и жили до самой войны – большой семьёй.

Война началась, когда мне исполнилось 17 лет. Было страшно. Я как раз окончила 10-й класс и мечтала поступить в Томский химико-технологический институт. Но сбыться этой мечте было не суждено. Нам вручили повестки в военкомат. Была у меня тогда первая любовь – военный, который без моего ведома добился в военкомате того, чтобы меня оставили в селе. Я, узнав это, была возмущена, ведь мне хотелось вместе со всеми служить Родине! Так и сказала: «Всё равно пойду в армию». И слово сдержала.

Хлебные корки – по карманам

Нас привезли в Петропавловск, где мы некоторое время ждали своей участи – служба на Камчатке или фронт. Меня забрали в 128-ю авиадивизию, находившуюся на месте нынешнего Елизовского аэропорта. Три месяца мы с девчатами проходили курсы молодого бойца. Вставали в 6 часов утра, маршировали, ходили на политзанятия. Так иногда уставали, так есть хотелось (завтрак в 10 часов, а обед не раньше 3-х), что мы потом уже заранее по карманам хлебные корки рассовывать стали.

Кроме того, мне пришлось получать водительские права, и потом я всю войну трудилась на стартёре – машине, с помощью которой заводились военные самолёты (И-16 не могли взлететь самостоятельно). Хочу сказать, что для такой работы нужно было обладать определёнными качествами. В первую очередь – быстрой реакцией, умением ориентироваться в пространстве и сообразительностью. В нашем истребительном полку было три эскадрильи, которые и обслуживались моим стартёром...

Что и говорить, в то время никому легко не было. Вначале я работала целыми днями – подменяли лишь на время завтрака, обеда и ужина. А к концу войны, когда на Камчатке развернулись боевые действия, трудилась чуть ли не сутками. **Тогда были часты ночные вылеты, и меня нередко поднимали в 3-4 часа утра.** Мне удавалось работать быстро и слаженно. За это сослуживцы и прозвали меня Люся-стартёрша-метеор.

Да я почти и не выходила из своей машины – порою там и спать приходилось. Но затем командир дивизии приказал мне (чтобы я так не мучилась) отдыхать в комнате, предназначенной для лётного состава. **А там была одна длинная кровать, на которой в перерывах между вылетами отдыхали лётчики. Здесь мне и было выделено место с краю. Сами представьте, как я себя ощущала!** Первое время, конечно, было совсем не по себе. Однако никто из военных при мне не позволял себе ни одного матерного слова, никто даже не курил! Отношение к женщинам в нашей дивизии было уважительное, да и командир, если что не так – навёл бы порядок. Поэтому ни разу за всё время войны ко мне никто пальцем не притронулся.

Приказ: о любви забыть

С самого первого дня нам командир прямо так и заявил: «О любви и всяких там ухаживаниях придётся забыть. Здесь вы – военнослужащие и должны выполнять свой долг». Да оно и при всём желании было почти невозможно. Мы даже кино, которое изредка показывали в нашем клубе, строем смотреть ходили. Так же и обратно: никто никого проводить возможности не имел.

Но война войной, а жизнь продолжается, и молодость берёт своё. За мной пытался ухаживать заместитель командира эскадрильи **Василий Котлов**. К концу войны бывали в нашей части танцы. **Так вот, если мы с Василием приходили в клуб танцевать, все сослуживцы знали – никто ко мне не подходи. Сколько бы людей ни было вокруг, я его сразу в толпе различала – по белым сапогам и немного прихрамывающей походке.**

Так мы с ним и виделись только на службе да на танцах иногда. А однажды договорились, что поженимся, когда война закончится...

Знаете, в те годы нечасто случались минуты, когда можно было побыть наедине со своими мыслями, отдохнуть. В стране шла война, и все должны были выполнять свой долг. Но иногда, в редкие минуты одиночества я мечтала, что СССР победит, настанет мир, я выйду замуж за любимого человека и у нас будут дети... И замуж я потом действительно вышла, но не за лётчика Василия. Война и коварное стечение обстоятельств разделили наши жизни и направили по разным дорогам.

18 августа 1945 года была объявлена общая боевая готовность № 1. Тогда все корабли из Авачинской бухты направились к Курильским островам. По боевой тревоге я прибыла на своё место. Наши бомбардировщики совершали вылеты, а я практически без сна и отдыха обслуживала боевые самолёты. Конечно, многие лётчики не вернулись. А командир эскадрильи (он единственный летал на американской «кобре») пропал без вести. И лишь через много лет на вулкане Горелый были найдены останки того самого самолёта и вещей погибшего лётчика...

А своего Василия какой-то период времени я совсем не видела. Сначала мне сказали, что он лежит в госпитале. Но затем я узнала, что моего друга назначили командиром истребительного полка, который должен был перебазироваться на Курильские острова. Когда мне сказали, что Василий уехал, – пришёл момент отчаяния. **Мои личные переживания оставленности накладывались на ужасы войны, сотрясавшие страну.** Я перестала есть и пить. Мне почти не хотелось жить. Но в тех обстоятельствах – условиях борьбы – мне всё же пришлось взять себя в руки. В этом мне очень помогли мои товарищи-однополчане...

Роковая записка

Вскоре нас демобилизовали. Всё это время я находилась в недоумении, была в обиде за то, что он исчез, не сказав ни слова, забыл меня. Но самое удивительное, что в этот тяжёлый период многие сослуживцы (и даже командир взвода) делали мне предложение руки и сердца. Правда, тогда, сами понимаете, не до этого было...

Затем судьба свела нас с Василием в 1949 году. На улице была страшная пурга, а я бежала на работу. Издалека увидела фигуру в шинели, с шапкой, натянутой прямо на глаза. И опять дорого мне человека выдала его особенная походка! Это был Василий. Но меня он, конечно, не узнал: я была одета по гражданке (а меня он видел только в военной форме), да погода – просто жуть. Когда мы сравнялись, я хотела его окрикнуть. Но не смогла: обида подкатила к сердцу, и горло просто отказалось повиноваться. Я чувствовала, что это был последний шанс, предоставленный нам судьбой... **Он исчез в вихрях белого снега. Я села в сугроб и заплакала...**

Прошло 40 лет, прежде чем наши судьбы соприкоснулись вновь. У нас была встреча с однополчанами, на которую меня с работы не отпустили. Так мои товарищи-сослуживцы сами пришли ко мне в библиотеку (там я работала)!

Я сразу узнала Василия в гражданской одежде и с медалью Героя Советского Союза на груди. Этого прихрамывающего человека я узнала бы, наверное, из миллиона... Страшно растерялась. Мы стояли и смотрели друг на друга...

Позже состоялся разговор. Первое, что я спросила, — почему он исчез, не сказав ни слова? А он с возмущением ответил: «Как? Это ведь ты не захотела меня ждать? Разве ты не получала записку?». И тут всё стало ясно. Оказалось, что его отправка на Курилы происходила в большой спешке. Ему не дали возможности даже переодеться, не то что встретиться со мною. **В тот роковой вечер Василий кое-как нашёл клочок какой-то бумаги и наспех нацарапал карандашом: «Люся, улетаю на Курилы. Вернусь через 3 дня. Жди. Вася». Он попросил одного капитана (больше было некого) обязательно передать мне это послание. Но тот не выполнил обещания. Когда Василий вернулся, меня в части уже не было...**

Сейчас мне 87 лет. У меня 2 сына, 3 внука и 1 правнук. Моего мужа тоже звали Василий.

После войны я окончила библиотечный техникум в городе Канск, и мне дали направление в Петропавловск для организации первой городской детской библиотеки. Я успешно выполнила эту задачу и около 40 лет проработала сначала заведующей библиотекой, а затем разных её отделов. Основной своей задачей всегда ставила воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма. Для этого часто проводила (и провожу до сих пор) встречи со школьниками. В 1964 году мне присвоили звание заслуженного работника культуры. Также я лауреат общероссийского форума «Мужество и героизм ВОВ». Самые ценные награды – медаль за победу над Японией и орден Отечественной войны.

Да, я не разведчица, не выносила людей из огня, не слышала свиста пуль и стонов раненных солдат, но я честно и самоотверженно выполнила свой воинский и гражданский долг.

P.S.

Был в жизни моего мужа удивительный случай, о котором он сам мне потом не раз рассказывал. Василий был призван на Белорусский фронт. На проводах мама сунула ему в карман иконку Божьей Матери, которая потом помогала ему на протяжении всей войны. Во время одного боя за Днестр их отряду было приказано перебраться на противоположную сторону реки. Вокруг шли страшные бои, немцы наступали неумолимо. Однако понтоны были разбиты в пыль, а многие солдаты просто не умели плавать. Оставалось одно: иди и тони. Мой муж в отчаянии бегал по берегу Днестра, лихорадочно соображая, как быть дальше. Но вдруг вспомнил про иконку, которая лежала в кармане гимнастёрки. Тогда боец, почти потеряв надежду на спасение, изо всех сил стал просить Богородицу о помощи, путая слова молитв и вытирая влажные от слёз отчаяния глаза серыми от пыли руками.

И тут, откуда ни возьмись, появилась лошадь, которая проплывала аккурат около Василия. Обрадованный нежданной помощью солдат, схватив свой миномёт, прыгнул в воду и вцепился в лошадиный хвост. Перепуганное шумом взрывающихся снарядов животное дотащило бойца на вожделенный противоположный берег реки. Это, по словам моего супруга, было настоящее чудо — ведь немногие тогда вышли из страшного боя живыми.

Записала
Марина ЗОЛОТАРЁВА.